

КРАТЧАЙШАЯ
ИСТОРИЯ

Советского

СОЮЗА

ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК

Шейла Фицпатрик

**Кратчайшая история
Советского Союза**

«Альпина Диджитал»

2022

Фицпатрик Ш.

Кратчайшая история Советского Союза / Ш. Фицпатрик —
«Альпина Диджитал», 2022

ISBN 978-5-00-139968-1

В 1917 году большевики пришли к власти в измученной Первой мировой войной Российской империи вопреки всем прогнозам, включая свои собственные. В 1991 году, по истечении примерно средней продолжительности человеческой жизни, Советский Союз рухнул так же нечаянно, как и появился на свет. Десятилетия между этими двумя событиями вместили в себя трагедии невероятных масштабов – хаос послереволюционных лет, голод и террор, тяжело доставшуюся победу в самой опустошительной в истории человечества войне и глобальный геополитический конфликт – но все эти трагедии были неразрывно сплетены с мечтой построить лучшее общество. Знаменитый историк Шейла Фицпатрик составила максимально емкую летопись советской эпохи – ее начала, расцвета и неожиданного завершения, а также ее посмертного бытования в сегодняшней России. Эта книга – живое и достоверное повествование о непростой истории СССР, усыпанное яркими деталями, неожиданными ракурсами и остроумными замечаниями. В первую очередь, Фицпатрик ясно показывает множество парадоксов советского эксперимента. Идеология, утверждавшая, что дарует человеку власть над историей, сама не справилась с непредвиденными обстоятельствами. Считающее себя интернационалистским и антиимпериалистическим государство породило множество национализмов. В конце концов, идея радикального преодоления социального неравенства и экономической несправедливости дала начало стране, которая была по-своему удивительно нормальной.

ISBN 978-5-00-139968-1

© Фицпатрик Ш., 2022

© Альпина Диджитал, 2022

Содержание

Предисловие	8
Кратчайшая история (1922–1991)	11
Глава 1	15
Проблема отсталости	17
Революционеры в ожидании	21
Первая Мировая война и революция	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Шейла Фицпатрик

Кратчайшая история Советского Союза

Переводчик *Галина Бородина*
Научный редактор *Никита Ломакин*
Редактор *Пётр Фаворов*
Издатель *П. Подкосов*
Руководитель проекта *А. Тарасова*
Ассистент редакции *М. Короченская*
Корректоры *Е. Барановская, Е. Сметанникова*
Компьютерная верстка *А. Ларионов*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*
Леттеринг *С. Годовалов*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Sheila Fitzpatrick, 2022

Настоящее издание выпускается по договору с Black Inc., an imprint of SCHWARTZ BOOKS PTY LTD и Synopsis Literary Agency

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

КРАТЧАЙШАЯ
ИСТОРИЯ
Советского
СОЮЗА
ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК

АНО

АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

МОСКВА, 2023

Посвящаю эту книгу памяти трех американских коллег-советологов, скончавшихся, пока я ее писала:

ДЖЕРРИ ХАФФА (1935–2020),

СТИВЕНА КОЭНА (1938–2020)

И СЕВЕРИНА БЯЛЕРА (1926–2019).

А также моего московского наставника, старого большевика, объяснившего мне горькую иронию советской истории,

ИГОРЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА САЦА (1903–1980)

Предисловие

1980-й должен был быть отличным годом для Советского Союза. Спустя 58 лет с момента образования государства и на шестнадцатом году однообразного, но стабильного правления Леонида Брежнева люди могли наконец выдохнуть и почувствовать, что худшее позади. Внутри страны удалось добиться нормализации; будущее должно было быть светлым. После Второй мировой войны Союз Советских Социалистических Республик обрел на международной арене статус сверхдержавы, пусть и второй после США; теперь же он почти добился военного паритета.

Это был тернистый путь – сначала революция и Гражданская война, затем голод 1921 г. и безвременная кончина в 1924-м вождя революции Владимира Ленина. За его смертью последовали новые потрясения: преемник Ленина, Иосиф Сталин, в конце 1920-х гг. приступил к ускоренной индустриализации экономики и коллективизации крестьянских хозяйств, спровоцировавшей голод 1932–1933 гг. Потом была кровавая мясорубка Большого террора 1937–1938 гг., сильнее всего ударившего по коммунистической верхушке, и практически сразу после него – Вторая мировая война, в ходе которой бывшая страна-изгой вступила в союз с западными державами. Окончание войны и тяжко доставшаяся победа неожиданно и резко возвели Советский Союз в ранг сверхдержавы, столкнув его в холодной войне с Западом. Никита Хрущев, добившийся высшей власти вскоре после смерти Сталина в 1953 г. и смещенный в 1964-м, отличался «волюнтаризмом» и в дни Карибского кризиса 1962 г., казалось, снова поставил страну на грань войны.

После него, наконец, у руля встал Леонид Брежнев, флегматичный и мягкий человек, который не был склонен раскачивать лодку, но направил ее в тихие воды, осознав стремление советских граждан приблизить свой образ жизни к американскому и западноевропейскому. Задачу Брежневу облегчил неожиданный подарок: по состоянию на 1980 г. мировые цены на нефть (а в последние десятилетия Советский Союз превратился в крупнейшего ее производителя и экспортера) удвоились по сравнению с серединой 1970-х гг. и достигли исторического максимума.

Хрущев опрометчиво пообещал, что к 1980 г. страна будет жить при коммунизме. Осторожный Брежнев объявил вместо этого, что в стране построен «развитой социализм». Эта утешительная формулировка обобщила ту экономическую и политическую систему, которая фактически сложилась к этому времени в СССР. Но большая часть советских граждан не имели ничего против. Им хотелось больше потребительских товаров лично для себя, а не коллективного пользования богатствами, как предусматривалось коммунистической моделью общества. Это был момент прощания с революцией, когда она окончательно стала историей. Поколение, которое за нее сражалось, ушло из жизни или на покой, и даже та демографическая когорта (включавшая и Брежнева), которая стала ее выгодоприобретателем при Сталине, уже приближалась к пенсионному возрасту. Ценности самого Брежнева к концу жизни были скорее «буржуазными», как сказали бы революционеры, т. е. весьма далекими от того, что исповедовали его предшественники. (В известном анекдоте тех времен мать Брежнева с тревогой спрашивает сына, который гордо демонстрирует ей свою коллекцию дорогих западных автомобилей: «Леня, а что, если большевики вернуться?»)

того, в самом Советском Союзе возникло небольшое движение «диссидентов», которое практически не пользовалось поддержкой среди населения, зато имело тесные связи с западными журналистами. После того как 24 декабря 1979 г. советские войска вошли в Афганистан, летние Олимпийские игры, которые парадно открылись в Москве в июле 1980 г., стали мишенью для международной кампании за их бойкот.

За годы холодной войны Запад слепил из Советского Союза тоталитарный жупел, уравняв коммунизм с нацизмом в качестве антитезы западной демократии; одной из несущих конструкций этой теории было представление, будто тоталитарный режим, раз установившись, не способен к изменениям и может быть свергнут только силовым вмешательством извне. Однако эта идея стала казаться менее убедительной после смерти Сталина, когда режим не только не пал, но и продемонстрировал способность к радикальным переменам. К 1980 г. термин «тоталитаризм», оставаясь ярким и эмоционально заряженным для западной публики, потерял свою привлекательность в академических кругах; среди прочих его критиковали американские политологи Стивен Коэн и Джерри Хафф. Даже консерваторы, 60 лет лелеявшие надежду на неминуемый крах советского режима, распрощались с ней, особо того не афишируя.

Роберт Бирнс, выступая на конференции, где собрались ведущие американские советологи, выразил общее мнение, заметив: «Все мы согласны, что равно неправдоподобно как то, что Советский Союз станет демократическим государством, так и то, что он *рухнет в обозримом будущем*» (курсив мой. – Ш. Ф.). В 1980 г. политолог Северин Бялер опубликовал важный для американской советологии текст, в котором настаивал, что США пора отказаться от бесплодных надежд на смену режима и смириться с тем, что СССР никуда не денется. Руководствуясь схожими соображениями, Библиотека Конгресса в Вашингтоне, до того десятилетиями игнорировавшая существование Советского Союза под давлением эмигрантов и энтузиастов холодной войны, скрепя сердце наконец решила выделить ему отдельную категорию в своем каталоге. Это был в высшей степени разумный шаг и, как считали практически все исследователи Советского Союза, давно назревший. Однако библиотека могла бы и не утруждаться. Как оказалось, всего спустя десять лет никакого Советского Союза уже не будет и вносить в каталог станет нечего.

Кратчайшая история (1922–1991)

Когда я, будучи еще аспиранткой, впервые приехала в Советский Союз накануне пятидесятилетнего юбилея Октябрьской революции, мне и в голову не могло прийти, что я окажусь в числе исследователей, которым придется писать его некролог в год ее столетия. Продолжительность жизни СССР чуточку не дотянула до стандартных 70 лет, что немного больше ожидаемой продолжительности жизни советского гражданина, рожденного в конце советской эпохи (67 лет), которая была почти в два раза больше ожидаемой продолжительности жизни человека, рожденного на ее заре.

Историки по самой своей природе склонны представлять события так, будто они были неизбежны. Чем лучше объяснение, тем увереннее читатель, что другого исхода быть не могло. Но в моей «Кратчайшей истории...» я к этому не стремлюсь. Я считаю, что в человеческой истории предопределенности не больше, чем в составляющих ее судьбах отдельных людей. Все и всегда могло обернуться иначе – это касается и случайных встреч, и глобальных катаклизмов, и смертей, и разводов, и пандемий. Конечно, в случае Советского Союза мы имеем дело с революционерами, которые, следуя Марксу, считали, что история у них под контролем и что они в общем и целом знают, чего ожидать на каждой стадии исторического развития. В советской терминологии слова «случайно» и «стихийно» всегда были оценочными: они обозначали явления, которые, согласно Плану, вообще не должны были иметь места; но они же являлись одними из самых распространенных слов в советском лексиконе. Те же самые революционеры-марксисты, приверженные идее подчинить человеческому планированию природную и экономическую среду, в октябре 1917 г. пришли к власти – к собственному изумлению и вопреки своему же теоретическому анализу – практически случайно.

Парадоксов в советской истории, которую я собираюсь изложить, предостаточно, и не вызывает сомнения, что отчасти эти парадоксы – результат убежденности революционеров, будто в марксизме они обрели универсальный инструмент исторического анализа. К примеру, марксистская теория учила их, что общества разделены на антагонистические классы, у каждого из которых есть свои политические представители, и что их партия – первоначально большевистская фракция Российской социал-демократической рабочей партии, а с 1918 г. Российская коммунистическая партия (большевиков) – представляет пролетариат. Иногда это было так, иногда нет, в зависимости от обстоятельств, но в любом случае это утверждение чем дальше, тем больше теряло смысл: вскоре после того как эта партия взяла власть, стало понятно, что основной ее функцией поддерживавшие ее рабочие и крестьяне считают обеспечение вертикальной мобильности (процесса, не описанного в марксистской теории).

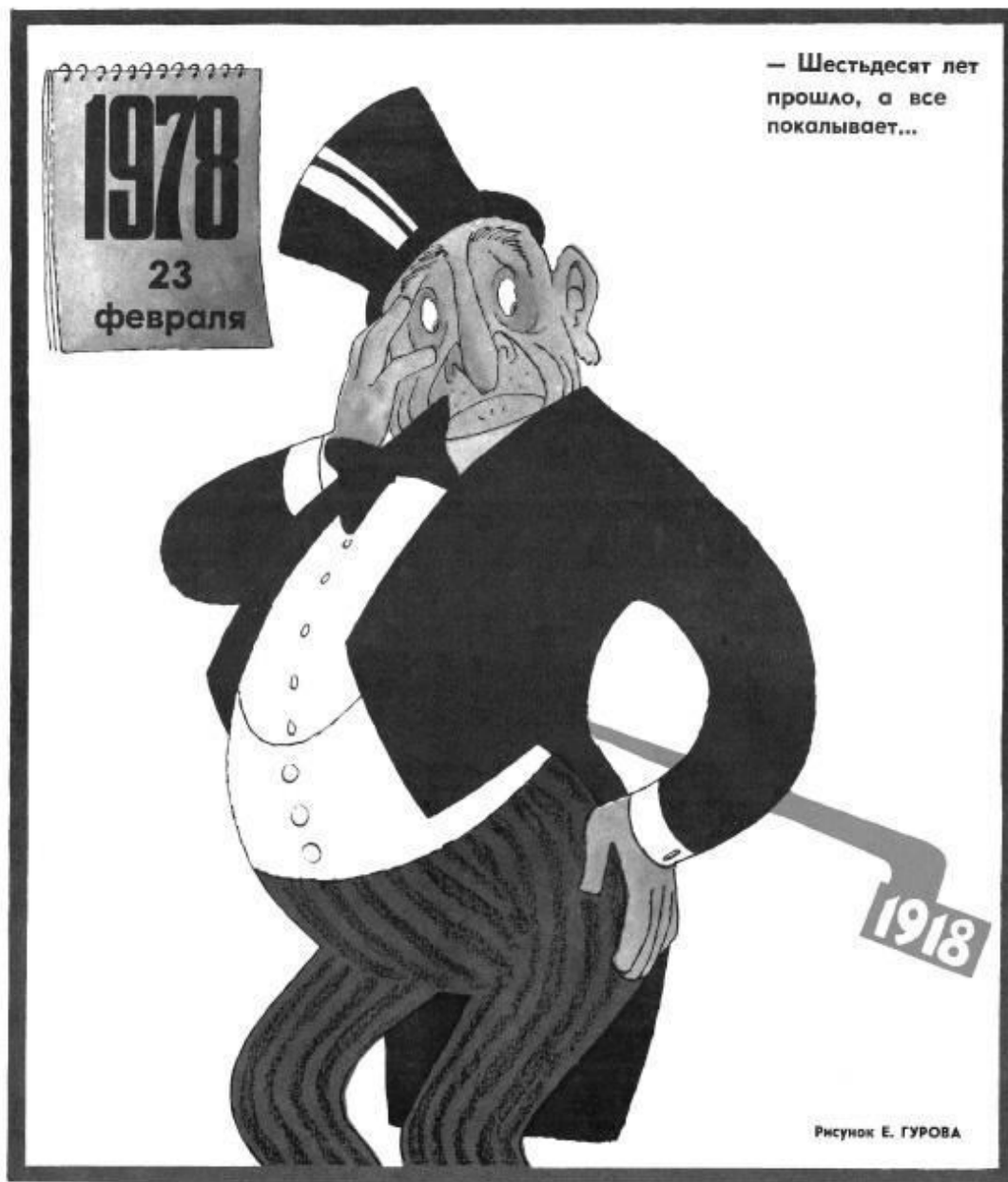
Теория гласила, что новое многонациональное Советское государство кардинально отличается от старой многонациональной Российской империи (несмотря на то что границы их в значительной мере совпадали) и что центр его не может империалистическим образом эксплуатировать периферию – потому что империализм, по определению, является «высшей стадией капитализма» и социализму он полностью чужд. Как мы увидим далее, это представление, особенно в первые десятилетия, было более реалистичным, чем может показаться на первый взгляд; впрочем, нетрудно понять, почему жители неславянских регионов на периферии чувствовали порой, что жизнь под контролем советской Москвы не очень отличается от жизни под контролем императорского Санкт-Петербурга.

Отношение Запада к советской системе как к «тоталитарной» не задумывалось как комплимент. Но с советской точки зрения это вполне можно было принять за похвалу, отражающую самовосприятие коммунистической партии как всезнающего лидера, который прокладывает уверенный курс вперед, опираясь на научное планирование и держа под контролем каждую мелочь. Множество «случайных» изменений курса и «стихийных» отклонений от него

были попросту несущественны в рамках этой грандиозной схемы, хотя в моей «Кратчайшей истории...» они сыграют важную роль. Конечно, люди, жившие в Советском Союзе, не считали их несущественными, и расхождение официальной риторики с жизненным опытом снабжало обильным материалом характерный для СССР жанр политического анекдота, который бурлил где-то в глубине общества неумолкающим дерзким комментарием. Контраст между «в принципе» (дежурная советская фраза, моментально вызывающая недоверие, наподобие «откровенно говоря», frankly, на Западе) и «на практике» был одной из популярных тем таких анекдотов. Другой была марксистская концепция диалектики, гласившая, что социально-экономические явления, такие как капитализм, заключают в себе свою же собственную противоположность (в случае капитализма – социализм). Заимствованным словом «диалектика» называли философскую идею, взятую из трудов Гегеля, но благодаря обилию обязательных занятий по «политическому просвещению» об удивительной способности диалектики объяснять явные противоречия знало большинство советских граждан. Вот, к примеру, выдающийся образец советского анекдота о диалектике:

В чем разница между капитализмом и социализмом? Капитализм – это эксплуатация человека человеком, а социализм представляет собой его противоположность.

Марксистские прогнозы неизбежного краха капитализма, на смену которому придет социализм (вспомним бестактное заявление Хрущева: «Мы вас похороним!»), утешали советских коммунистов, которым приходилось бороться с «исторической отсталостью» России, чтобы превратить ее в современное, промышленно развитое, урбанизированное общество. К началу 1980-х гг. им это более или менее удалось. Мощь и статус СССР признавал весь мир. Существование «советского человека» не вызывало сомнений; он обрел близких родственников в социалистических странах Восточной Европы, несколько более неудобную родню в Китае и Северной Корее, а также почитателей в странах третьего мира.

Карикатура Е. Гурова, посвященная Дню Советской армии (23 февраля 1978 г.). На ней изображен английский лорд, который все никак не оправится от провала британской интервенции в Россию в период Гражданской войны²

Затем, в ходе одной из самых зрелищных и неожиданных «случайностей» в истории Нового и Новейшего времени, отнюдь не капитализм, а как раз советский «социализм» рухнул, уступив место тому, что по-русски называют «диким капитализмом» 1990-х гг. На свет свободы, моргая с непривычки, вышли 15 новых государств – преемников СССР, в том числе Российская Федерация, причем все, включая русских, громогласно жаловались на эксплуатацию, которой подвергались в Советском Союзе. «Чем был социализм и что будет дальше?» (What Was Socialism, and What Comes Next?) – ставила резонный вопрос статья, которой американский антрополог Кэтрин Вердери прокомментировала распад СССР; ее заглавие отражает тот факт, что в бывшем советском блоке внезапно стало неизвестным не только будущее, но и про-

² «Шестьдесят лет прошло, а все покальывает». Е. Гуров, журнал «Крокодил», № 6, 1978 г.

шлое. На вопрос: «Что будет дальше?» – ни один благоразумный историк отвечать не станет. Вопрос: «Чем был социализм?» – может быть адресован политическим философам, которые станут искать ответ в канонических текстах, но я пойду другим путем – путем историка-антрополога. Что бы социализм ни значил «в принципе», нечто, нареченное в 1980-е гг. неуклюжей формулой «реальный социализм», сложилось в Советском Союзе «на практике». Перед вами его история от рождения до смерти.

Глава 1

Создание Союза

Предполагалось, что русская революция станет началом революционного пожара по всей Европе. План не сработал, и все ограничилось революционным государством в России – Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР) со столицей в Москве. Но волнения – с самыми разными исходами – охватили и нерусские регионы Российской империи. Прибалтийские провинции выбрали независимость; Царство Польское вошло в новообразованное польское государство. Однако к концу Гражданской войны, разразившейся после Октябрьской революции, на ряде других территорий образовались – часто не без помощи Красной армии нового революционного государства – свои собственные советские республики.

В декабре 1922 г. РСФСР, Украинская и Белорусская ССР (советские социалистические республики), а также Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР) объединились в одно государство – СССР. Столицей его стала Москва (прежней столице империи, Петрограду, пришлось смириться со статусом второго по значимости города). Символом новой страны стали серп и молот, а девизом (написанным на русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском и азербайджанском языках) – слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Конституция нового Союза гарантировала республикам право на отделение, однако за без малого 70 лет ни одна из них этим правом не воспользовалась. В 1920–1930-х гг. в основном из территории РСФСР было выкроено пять новых среднеазиатских республик (Узбекистан, Туркмения, Таджикистан, Казахстан и Киргизия), а ЗСФСР распалась на три составные части: Грузию, Армению и Азербайджан. В 1939 г. СССР и нацистская Германия подписали секретный протокол о разделе сфер влияния, и в состав Советского Союза вошли три прибалтийских государства (Литва, Латвия и Эстония), а также Молдавия; число союзных республик достигло пятнадцати.

Несмотря на то что территория его была несколько меньше, Советский Союз со всей очевидностью являлся преемником Российской империи. Значило ли это, что он тоже был империей, где русские управляют горсткой внутренних колоний, которым придан вид национальных республик, – вопрос спорный. Западные державы, враждебные большевистскому режиму и мечтавшие о его падении, считали СССР империей, к тому же нелегитимной. Большевики же смотрели на свой Союз совершенно другими глазами. Далеко не все руководители партии были русскими; многие из них принадлежали к угнетаемым в старой империи меньшинствам: латышам, полякам, грузинам, армянам и евреям. Они были кровными врагами российского империализма, с детства испытывавшими негодование из-за усиливавшейся в последние годы существования империи дискриминации нерусского населения. Делом своей жизни они считали освобождение бывших колоний – как внутри СССР, так и за его пределами, прежде всего в Азии (в том числе в Средней Азии, завоеванной Российской империей в XIX в.). Пропандистские лозунги 1920-х гг. провозглашали «великорусский шовинизм» «основной опасностью», а это означает, что из всех национализмов в Советском Союзе по-настоящему вредным считался именно русский.

Большевики были верными марксистами-интернационалистами и вслед за Энгельсом считали национализм «ложным сознанием». Тем не менее они понимали его притягательность и тенденцию обостряться в ответ на попытки искоренения. Они не собирались допускать такой ошибки – они решили *поощрять* нерусский национализм, причем не только через развитие национальных культур и использование национальных языков в управлении, но и через

создание отдельных органов исполнительной власти на местах, начиная с уровня республики (например, Украины) и вплоть до сельских поселений (в той же Украинской ССР существовали еврейские, белорусские, русские, латышские, греческие и другие «национальные сельсоветы»). Административный аппарат СССР не только оберегал национальную идентичность, но и помогал ее формировать – и это лишь один из парадоксов советской власти.

Проблема отсталости

Большевики были рационалистами и модернизаторами до мозга костей: главным пунктом своей программы они считали модернизацию страны, а именно промышленное развитие при ведущей роли государства. Собственно, именно это они во многом и имели в виду под словом «социализм». Отставание России от Запада они считали величайшим препятствием, которое требуется преодолеть. При этом, по их представлениям, у России имелся и свой собственный, внутренний «восток» – Средняя Азия, – который нужно было модернизировать и цивилизовать с помощью капиталовложений в инфраструктуру и промышленность, ликвидации безграмотности и того, что теперь называется «позитивной дискриминацией», т. е. социальных преимуществ для не представленных в управлении и культуре групп населения. Для СССР в целом модернизация и избавление от отживших традиций считались важнейшими задачами как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Юлианский календарь, действовавший в Российской империи и на тринадцать дней отстававший от принятого на Западе григорианского календаря, стал первой жертвой модернизации (к новому календарю перешли в 1918 г., и с тех пор день Октябрьской революции отмечался 7 ноября). Реформа правописания, эмансипация женщин (отмена целого ряда юридических ограничений, легализация аборт и разводов по взаимному согласию), а также отделение от государства Русской православной церкви (по мнению большевиков, особенно вредного рассадника суеверий) и отмена сословий – все это было сделано в первые же месяцы после того, как большевики взяли власть.

Насколько отсталой была Россия до революции? «Отсталость» – расплывчатое понятие, которое неизменно опирается на сравнение с чем-то, что считается более развитым; Россию сравнивали с Западной Европой. Преодолеть отсталость и догнать Запад мечтал еще Петр Великий за двести лет до Октябрьской революции; с этой целью он насильно брил боярам бороды и построил новую столицу, Санкт-Петербург, как можно ближе к Европе. При наследниках Петра – прежде всего при Екатерине Великой, состоявшей в переписке с философами эпохи Просвещения Дидро и Вольтером, – Россия развивалась достаточно успешно, чтобы к началу XIX в. добиться признания в качестве великой европейской державы; это статус был закреплен разгромом наполеоновских армий на русских просторах. На протяжении XIX в. территория империи с юга прирастала Кавказом, а на востоке расширялась за счет завоевания Россией мелких среднеазиатских ханств. При этом русские крестьяне освободились от крепостной зависимости только в начале 1860-х гг. в ходе Великих реформ Александра II. Страна одной из последних в Европе приступила к индустриальной революции: подъем промышленного производства начался в России только в 1890-х гг. – на полвека позже, чем в Британии, – и сильно зависел от государственных инициатив (так же как в Японии в тот же период) и иностранных инвестиций.

Красная площадь в Москве, ок. 1900 г. Заметьте, что площадь называлась так еще до революции («красный» означает «красивый»). Слева – собор Василия Блаженного, справа – Кремль³

Согласно данным первой современной переписи населения, которая прошла в 1897 г., в империи проживало 126 млн человек, причем 92 млн из них – в Европейской России (включая нынешнюю Украину и восточную часть Польши). Остальное население главным образом делилось между польскими губерниями и Кавказом, где проживало по 9 млн человек; в Сибири и Средней Азии людей было и того меньше. Несмотря на то что в период между 1863 и 1914 гг. городское население Европейской России утроилось, уровень урбанизации и индустриализации резко падал по мере удаления от западных границ, так что польские губернии оставались самым развитым регионом империи. В Сибири в сельской местности проживало 92 % населения. Грамотой владели менее трети граждан в возрасте от 10 до 59 лет, но эти данные маскируют существенный разрыв в уровне грамотности мужчин и женщин, горожан и деревенских жителей, молодежи и стариков. Среди двадцатилетних грамотными были 45 % мужчин и только 12 % женщин; среди пятидесятилетних уровень грамотности среди мужчин составлял 26 %, а среди женщин еле дотягивал до 1 %.

³ Красная площадь в Москве, 1900 г. Открытка из личной коллекции автора.

Лубянская площадь в Москве, ок. 1900 г. В 1926 г. она была переименована и стала называться площадью Дзержинского⁴

Вдобавок к высокоразвитым Варшаве и Риге (которых Советский Союз недосчитается после революции) страна располагала быстро развивающейся горной и металлургической промышленностью на Донбассе (который позже отошел к Украине). Большая часть предприятий там находилась в иностранной собственности, а рабочая сила в основном прибывала из русских деревень. Санкт-Петербург, Москва, Киев, Харьков и черноморский порт Одесса также вступили в период бурного промышленного развития, а Баку (город в Азербайджане, на берегу Каспийского моря) превращался в крупный центр добычи нефти.

Для целей управления и учета население все еще делили на сословия – дворянство, духовенство, мещанство, крестьянство и т. д.; у каждой такой группы были свои права и обязанности перед царем. В Западной Европе от подобного деления давно отказались, и ориентированной на Запад российской интеллигенции это казалось постыдным анахронизмом. К крестьянству, крупнейшему из сословий, относилось 77 % населения, а городские сословия и состояния составляли скромные 11 %. Интеллигенция, или образованный класс, выглядела аномалией, не вписывающейся в существующую схему.

Несмотря на то что Российская империя была многонациональным государством, концепция национальности оказалась слишком передовой для царизма, и при переписи 1897 г. учитывались только данные о вероисповедании и родном языке. Около двух третей жителей империи назвали родным языком русский, но к их числу относились и те, кого сегодня мы назвали бы украинцами или белорусами: к «великороссам» были причислены только 44 %. Что касается религии, около 70 % подданных империи называли себя православными (включая и пару миллионов староверов, отколовшихся от государственной православной церкви в XVII в.); 11 % составляли мусульмане, 9 % – католики, 4 % – иудеи.

Для Западной Европы, особенно для Британии, царская Россия стала символом непрощенной автократии, чему немало способствовала активная пропаганда со стороны русских революционеров в изгнании, использовавших преимущества либерального британского под-

⁴ Лубянская площадь. Открытка из личной коллекции автора.

хода к предоставлению убежища. Весь «цивилизованный мир» знал о практике политической ссылки в Сибирь и резко осуждал ее, как позже, в период холодной войны, будет осуждать и ГУЛАГ. Несмотря на огромный размер и статус великой державы, шаткое положение царизма стало очевидно в 1905 г., когда Россия понесла унизительное поражение в войне с Японией и еле устояла в ходе революции, которая вспыхнула чуть ли не на всей ее территории: чтобы усмирить волнения, потребовалось больше года. Революция 1905 г. обеспечила российских радикалов героической легендой и стихийно породила новый революционный институт – выборный орган под названием «совет», наделяемый как исполнительной, так и законодательной властью. Она же вознесла к вершинам популярности харизматического лидера Петербургского совета Льва Троцкого, марксиста из фракции меньшевиков. Вождь большевиков Владимир Ленин, который, как и Троцкий, вернулся из эмиграции, к революции 1905 г. опоздал и заметной роли в ней не сыграл.

Российская империя⁵

⁵ Карта Российской империи. Alan Laver.

Революционеры в ожидании

Если вы хотели бы устроить в России революцию, искать поддержки у угнетенного крестьянства могло бы показаться самой очевидной стратегией. Именно так рассуждало первое поколение революционеров – так называемые народники, доминировавшие на радикальной политической сцене в 1860–1870-е гг. Помня о давней российской традиции крестьянских бунтов, они считали мужиков потенциальными ниспровергателями царей, а также источником незапятнанной нравственной мудрости. Однако крестьяне давали эмиссарам народников от ворот поворот, воспринимая их как представителей городской элиты, с которой у них не было ничего общего. Именно разочарование из-за такого отпора подготовило почву для распространения марксистских идей среди революционеров 1880-х гг. Будучи последователями немецких идеологов социализма Карла Маркса и Фридриха Энгельса, российские марксисты опирались на «научно предсказанную» «неизбежность» революции: капитализм в силу исторической необходимости должен был уступить дорогу социализму. Революционным классом, избранным орудием истории, назначался промышленный пролетариат, порождение самих капиталистических процессов, – следовательно, на крестьянство (как минимум в теории) можно было уже не обращать внимания. Преданность идее революции, проистекавшая прежде из нравственных соображений, переродилась в нечто больше похожее на рациональный выбор, опиравшийся на идею исторической неизбежности (по-немецки *Gesetzmässigkeit*, а по-русски «закономерность», но для англоязычного мира это полностью чуждая концепция). Это были глубокие философские воды, бороздить которые отваживались лишь немногие избранные, но все российские, а позже советские марксисты точно знали, что означает «закономерно»: это если все идет так, как оно должно идти в принципе (в отличие от «случайно» или «стихийно», как оно частенько шло на практике).

Российские революционеры-марксисты отождествляли себя с рабочим классом, но чуть ли не все они были выходцами из дворян или интеллигенции. Как и в других развивающихся странах в конце XIX и в XX столетии, высшее образование в России означало вестернизацию, а в качестве побочного эффекта – радикализацию. Первое (вестернизация) отчуждало образованный класс от соотечественников; второе (радикализация) даровало ему ощущение, будто его миссия – возглавить народные массы. Образованные русские, сторонники радикальных идей, называли себя «интеллигенцией», презрительно отказываясь причислять к своему кругу людей того же уровня образования, работавших на государство. (Тот факт, что Великие реформы Александра II тщательно подготовила и осуществила действовавшая из-за кулис группа «просвещенных чиновников», ничего не менял: какие там реформы, когда стране требовались полноценная революция и духовное возрождение?) Интеллигенция назначила саму себя на роль критика правительства (*любого* правительства, как стало понятно после краха царизма) и совести нации, и это, естественно, постоянно сталкивало ее с царскими властями, особенно с «охранкой» – тайной полицией. Для большинства интеллигентов радикальная политика не была основным занятием. Но некоторые действительно, зачастую еще в студенчестве, становились профессиональными революционерами. Эта дорожка быстро приводила их к арестам, тюремным срокам, ссылкам, побегам из ссылок (что было не очень трудно) и, если хватало родительских денег, к эмиграции. Во главе всех революционных фракций – неважно, кого они провозглашали своей социальной базой, крестьян или рабочих, – стояли революционно настроенные интеллектуалы, большая часть которых многие годы жила в эмиграции в Европе.

Владимир Ленин (по рождению Владимир Ульянов) появился на свет в 1870 г. в приволжском городе Симбирске (в 1924 г., после смерти Ленина, его переименовали в Ульяновск – и это имя он, как ни странно, носит до сих пор). Еще будучи студентом юридического

факультета Казанского университета, Владимир примкнул к радикалам; одной из причин, толкнувших его на этот шаг, стала казнь старшего брата, повешенного за участие в организации покушения на императора. По современным меркам семейство Ульяновых принадлежало к среднему классу, к образованным профессионалам (его отец служил инспектором народных училищ и поднялся по карьерной лестнице так высоко, что удостоился потомственного дворянства). По этническому происхождению Ульяновы были в основном русскими, хотя и с примесью немецкой и еврейской кровей. Проникшись революционными идеями, Ленин переехал в Санкт-Петербург, где вступил в марксистский Союз борьбы за освобождение рабочего класса, был арестован и, по традиции, отправлен в ссылку внутри страны, за которой последовал добровольный отъезд из России и жизнь в изгнании на деньги матери. За границей он присоединился к пестрой компании российских и восточноевропейских революционеров, стекавшихся в Лондон, Париж, Женеву, Цюрих и Берлин, – это был мир жалких меблированных комнат, страстных мелочных разборок с другими революционерами, полицейской слежки, шпионов и информаторов, одиночества и долгих часов, проведенных в библиотеках.

Среди революционных марксистов этнических русских вроде Ленина и его жены, Надежды Крупской, было относительно мало по сравнению с евреями, поляками, латышами и представителями других национальных меньшинств Российской империи, которые с конца XIX в. подвергались насильственной русификации и все усиливавшейся дискриминации со стороны властей. В революционных кругах Ленин выделялся неуступчивостью и стремлением полностью подчинить себе свою небольшую политическую фракцию, которая после инициированного им в 1903 г. раскола социал-демократического движения стала называться большевиками. Термин «большевик» происходит от русского слова «большинство»; своих оппонентов большевики называли «меньшевиками» – от слова «меньшинство». Это была изящная уловка со стороны Ленина: на самом деле в большинстве были как раз меньшевики.

Фотопортрет семьи Ульяновых: Владимир, гимназист, сидит справа впереди; старший брат Александр, который в возрасте 21 года будет казнен как террорист, стоит слева от отца⁶

Российские марксисты столкнулись с серьезной проблемой: согласно марксистскому пониманию законов истории, «их» революция – та, которой они посвятили свою жизнь, – пока что не стояла на политической повестке дня; перед ней должна была случиться еще одна. Россия же все еще находилась в самом начале капиталистической фазы развития, и русская буржуазия была слишком слаба и пассивна, чтобы совершить либеральную буржуазную революцию, опрокинув отжившую свое автократию. В результате, в отличие от Британии или Германии, Россия еще «не созрела» для пролетарской социалистической революции.

⁶ Семья Ульяновых. Heritage Image Partnership Ltd/Alamy.

Меньшевики – за исключением нескольких отщепенцев вроде Троцкого – относились к этому аргументу со всей серьезностью (вероятно, в этом и заключалось основное отличие их доктрины от ленинской); а вот большевики – на практике нет. Однако не стоит слепо верить заявлениям меньшевиков, утверждавших, будто это делает большевиков плохими марксистами. Придя к власти, большевики своими действиями убедительно докажут, что марксистское понимание классовой борьбы и исторической неизбежности глубоко укоренилось в умах их лидеров; кроме того, существовали вполне марксистские способы обосновать правильность пролетарской революции в России (идея, что самое слабое звено империалистической цепи порвется первым, например). Истина состоит в том, что любой достойный этого звания революционер всегда найдет способ обойти теоретический запрет на революцию.

Еще одной проблемой революционеров-марксистов была сравнительная слабость российского пролетариата. В самом деле, пролетариат был плотно сосредоточен вокруг крупных предприятий (что есть революционный плюс), однако численность его была все еще до смешного мала и в 1914 г. составляла чуть более 3 млн – а ведь уже в 1897 г. в Российской империи проживало более 125 млн человек. Эта слабость отчасти компенсировалась ленинской концепцией революционной партии, которая должна была состоять из профессиональных революционеров и выступать в качестве «авангарда» пролетариата. Авангард был призван открыть рабочим глаза на стоящую перед ними историческую революционную миссию, а потом уже эти рабочие, теперь «сознательные», в свою очередь, встанут в авангарде непросвещенных, но потенциально мятежных масс. По наблюдениям российской полиции, к 1901 г. большевики достигли некоторого успеха в этом направлении: полицейский отчет сообщал, что «добродушный русский юноша из рабочей среды превратился в особый тип полуграмотного "интеллигента", который чувствует себя обязанным отвергнуть семью и веру, не соблюдать законы, отрицать существующую власть и насмехаться над ней», и что такие люди пользуются авторитетом среди «инертной массы рабочих».

Ленин был самым бескомпромиссным революционером в среде российской марксистской эмиграции, а также самым авторитарным – нетерпимым к какой бы то ни было конкуренции внутри своей фракции и настаивавшим на важности четкой организации и профессионального руководства революционным движением в противовес народной стихийности. При этом его никак не назовешь одномерной фигурой. Ленин был женат на Надежде Крупской – учительнице по профессии и теоретике образования по призванию – и как минимум до некоторой степени разделял ее убеждение, что глубинная цель революции – просвещение народа, относя к числу первоочередных революционных задач учреждение школ, классов по ликвидации безграмотности и библиотек для народных масс. Конечно, Ленин, в отличие от Крупской, был прирожденным политиком, одержимым своей миссией; смыслом его жизни были противоборство фракций и борьба за власть. Беспокоиться о народном просвещении выходило у него лишь в моменты политического затишья.

Первая Мировая война и революция

В январе 1917 г., находясь в эмиграции в Цюрихе, Ленин сетовал, что не рассчитывает на революцию в России при своей жизни. Это было вполне обоснованное суждение, которое, однако, оказалось ошибочным. Годы войны ничем не порадовали ни его, ни международное социалистическое движение. Надежда, что в войне империалистических держав рабочие откажутся поддерживать свои правительства и стрелять в других пролетариев, не оправдалась. Случилось обратное: и рабочие, и многие социалисты-интеллектуалы внезапно сделали патриотами и слились со своими правительствами в националистическом экстазе, характерном для начального этапа любой войны. Ленин, в отличие от многих, упрямо твердил, что война эта империалистическая и рабочие в ней не заинтересованы; более того, он заявлял, что для дела русской революции наилучшим исходом было бы поражение России. Такие взгляды не прибавляли ему популярности в среде его товарищей-эмигрантов, и большевистская партия оказалась расколотой.

Неготовность России к войне быстро стала очевидной – царская армия даже не могла обеспечить винтовками всех мобилизованных в первый призыв. К концу 1915 г. благодаря переброшенным на Восточный фронт немецким силам противнику удалось занять большую часть западных провинций империи. Поражения, оккупация и эвакуация шокировали патриотически настроенную публику. К развязке войны в руках немцев оказалось 2,5 млн российских военнопленных; число погибших достигло без малого 2 млн – и это не считая огромного количества раненых и более непригодных к службе и примерно стольких же жертв среди мирного населения. На февраль 1917 г. под ружье было поставлено более 15 млн человек, в основном из крестьян, что оставило женщин без мужской помощи в посевную. Перед лицом немецкой угрозы западным губерниям русская армия депортировала вглубь страны не менее миллиона евреев (черта оседлости, в пределах которой обязаны были жить почти все евреи, пролегла недалеко от западных границ), выселив заодно и четверть миллиона русских немцев; кроме того, на восток, в глубокий тыл, переместились, спасаясь от военных действий, 6 млн беженцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.